

I. Вместо введения: конференционная концепция

21-23 апреля 2016 г. в Варшавском университете была проведена научная конференция *Д.С. Мережковский: литератор, религиозный философ, социальный экспериментатор*, посвященная 150-летию со дня рождения, 75-летию со дня смерти, а также 95-летию пребывания в Варшаве одного из крупнейших русских литературных деятелей XX в.

В настоящем номере журнала публикуются работы, подготовленные по итогам конференции.

В первом разделе мы предлагаем нашим читателям ознакомиться с общей концепцией конференции, которая дает представление о «горизонте ожидания» ее организаторов. Далее, в последующих разделах, представлены формы концептуальных решений, воплотившихся в статьях наших авторов. Затем мы попробовали дать оценку постигнутого (как на конференции, так и в рамках предлагаемого вниманию читателя коллективного труда), сохраняя разность наших точек зрения. В конце помещены стихотворные эпиграммы Александра Федуты, звучавшие на сессиях конференции.

*

Творческое наследие Мережковского, отличаясь масштабностью, эрудицией, разнообразием художественных форм, не уместится в рамки не только литературного, но и культурного поля. Фигура самого Юбилера заслуживает серьезного внимания с точки зрения проблем, поставленных либо экземплифицируемых именно ею.

Как писатель Мережковский – творец оригинальных историософских романов, автор мегажанра романной трилогии, актуализирующий истоки европейской литературной традиции (аттической трагедийной трилогии); как теоретик – основоположник символизма в России; как критик – создатель религиозно-философского литературоведения; как публицист – пророк массового человека XX столетия («грядущий Хам»); как общественный деятель – устроитель религиозно-философских собраний; как мыслитель – выразитель идей нового религиозного сознания; как политик – сторонник преобразований, определяемых «революцией духа».

«Дела и дни» Мережковского остро ставят вопрос о границах социального института литературы в целом и способности писателя не только реагировать на давление поля политики, но и осуществлять «вылазки» на территорию последнего. Этот вопрос конкретизируется при помощи следующей гипотезы: Мережковскому тесно в социальной роли писателя, и он предпринимает попытки поиска реального политика-мецената (патрона), которого он мог бы интеллектуально опекать (Савинков, Керенский, Пилсудский, Муссолини, Франко), имея уже значительный художественный опыт «совмещения» и «разведения» свойств и функций интеллигента и политика в ряде литературных персонажей (Марк Аврелий; Юлиан; Леонардо, Макиавелли и Чезаре Борджиа; Алексей и Петр).

Учитывая тематические и методологические импликации высказанной гипотезы, существенным представляется обсуждение следующих проблем:

- политико-религиозный комплекс русского писательства в России и в эмиграции (сходства, отличия, трансформации);
- связи личности с духовными реальностями;
- эсхатологический склад души;
- царство Духа в писательстве и созидательной деятельности вообще;
- противодействие метафизическому злу (большевизму) как концепция жизни и мышления;
- феномен «троебратства»;
- взаимодействие с эмигрантской средой вообще и первым поколением эмигрантской молодежи в частности;

- асимметричная война между эмиграцией и метрополией за культурный капитал становящейся «Культуры Два» и за новые медиа;
- «соседи» по эмиграции и литературному полю (Вячеслав Иванов, Григорий Рубакидзе);
- политические взгляды и политическое поведение (контакты с «вождями»);
- поэтика литературного произведения и «поэтика» писательского института: когерентность и разлад;
- утопия-фикция и утопия-прагма, фантастика ретроспективная и фантастика футуристическая;
- (не)зависимость писателя от своих (невольных? пророческих?) автопортретов (Макиавелли «Воскресших богов» – пророческий автопортрет Мережковского) и / или моделирование персонажа как самосбывающееся пророчество во внефикциональном мире;
- амбивалентность как семантическая константа раннемодернистской поэтики и колебание как желание сохранения доступности взаимоисключающих возможностей / оттягивание вхождения в мир/свет;
- экзотопия (габитусы квази-пророка, эмигранта, квази-политика, негодяя или просто посредника между полем культуры и полем политики) как решение вопроса о сохранении социальной молодости;
- практика «жизнетворчества» и теория культурного поля Бурдьё;
- консервативный авангард (авангард не только как контр-модерность, *counter-modernity*, нацеленная на разрушение институтов автономного искусства и произведения искусства и, шире – «индивидуалистского кода» модерности, но и как формация, способная сопрягать эти установки с правой политической идеологией и ретроспективным утопизмом), «консервативная революция», «Культура Два»: разные явления или аспекты одного и того же социокультурного феномена;
- консервативный авангард и (ре)актуализация Средневековья и Ренессанса;
- консервативный авангард в горизонте своего времени vs. с точки зрения истории, пишущейся победителями (во Второй мировой войне).

Личность и творчество Мережковского позволяют вновь актуализировать проблему

- сущности русской интеллигенции, причем, как в литературной исторической ретроспективе (в Грядущем Хаме писатель мифологизировал русскую интеллигенцию, в Петре и Алексее художественно исследовал ее становление), так и в новейшее время (мессианство / миссианство / гибель интеллигенции в современном российском социуме; интеллигенты / «лишние люди»; историческая динамика (не)востребованности).

Многопрофильная деятельность Мережковского (писатель-критик-политик-публицист-философ) дает основание поставить вопрос

- о границе между дилетантизмом и профессией; о социальных (как принадлежность к определенной полосе культурного поля) и исторических условиях возможности такой многопрофильности.

Для публики (не только широкой) творчество Мережковского оказалось элитарным. В отличие от современников, например, Вяч. Иванова, писатель так и не обрел своего «круга посвященных» читателей:

- внешне подкупающе-простая тезисность текстов Мережковского в сочетании с их глубинной проблемно-тематической сложностью и, как казалось современникам, с «актерством», «эстрадностью», «позерством» автора предопределили раннюю рецепцию недоумения / непонимания / недоброжелательности;
- позиция эмигранта – противника советской власти вызвала полное отвержение / забвение (в СССР и странах соцблока).

**

Переоценка ценностей постперестроечного периода в России теоретически сформировала рецепцию апологетическую, что привело к включению творчества писателя в литературный канон, в связи с чем любопытно было бы изучить новейшие интерпретации личности и творчества Мережковского в аспекте их функционирования в современном поле культуры. Зинаида Гиппиус назвала Мережковского «пророком, которого не услышали». В связи с этим

представляются значимыми результаты изучения динамики и географии читательской (не)популярности, политической (не)удобности, литературоведческой (не)интересности Мережковского: зависимость этой (не)популярности, (не)удобности, (не)интересности от эзотеризма и квази-реализма поэтики его произведений; от форм политической догмы и политической корректности; от настораживающего символа «грядущего Хама» с его неоднократными приходами и неокончательной воплотимостью.

Как попытка обсудить хотя бы часть вопросов, поставленных в вышеизложенной научной концепции, в Варшаве усилиями Кафедры восточноевропейской культурологии Института специальной и межкультурной коммуникации Варшавского университета и Института литературы Болгарской Академии наук была проведена конференция, в которой приняли участие ученые из одиннадцати стран. Знаменательно, что первая в этом году масштабная конференция, посвященная юбилею Мережковского, состоялась не в России, а в городе, где Мережковские провели первые несколько месяцев эмиграции. Этот факт так или иначе свидетельствует об отношении к Мережковскому в современной России – о том, что статус Мережковского, который возвращался к читателю в постсоветские 1990-е гг., начинает нивелироваться, и Мережковский вновь становится на своей родине *неуслышанным пророком*. Варшавская конференция стала знаковым событием в возвращении Мережковскому высокого, авторитетного статуса «вечного спутника», она во многих отношениях выявила, актуализировала и подтвердила этот статус.

Выражаем благодарность уважаемым рецензентам – Франсуазе Лесур (Университет Лион 3), Бернис Розенталь (Нью Йорк), Ольге Табачниковой (Университет Центрального Ланкашира, Престон), Андрею Шишкину (Университет Салерно), Манфреду Шруба (Рурский университет, Бохум).

Нина Барковская, Людмила Луцевич, Йордан Люцканов, Александр Медведев